

Шэнь Чжихэ, увидав, что мать ушла, поспешно поднялся на ноги и бросился следом. Единственной, кто мог спасти его шкуру, оставалась она.

В кабинете воцарилась тишина. Премьер-министр Шэнь Даосюэ остался один. Ноги его словно налились свинцом — он не мог сделать ни шага. Старый отец сделал свой выбор между двумя сыновьями.

Ли Сянлань достала платок и принялась остервенело стирать с лица пудру и румяна, обнажая увядшую, изборожденную морщинами кожу. В обычные дни она ни за что не показалась бы на людях в таком виде. Но сегодня эта маска немощной старости должна была оказать ей верную службу.

Дремавший под тенью раскидистого дерева слуга Сяо Тан встрепенулся, заметив приближающуюся госпожу в сопровождении управляющего Хэ и толпы слуг. Пospешно утерев слюну, он бросился в дом. Солнце давно перевалило за полдень, а второй молодой господин всё ещё не изволил подняться. Если застанут спящим — беды не обернуться.

В покоях, в отличие от уличного зноя, царила приятная, бодрящая прохлада. Кровать из холодного нефрита источала тонкий, умиротворяющий аромат, под который второму молодому господину всегда спалось особенно сладко.

Сяо Тан заглянул за ширму. Шэнь Сыюань лежал ничком, подставив прохладному воздуху широкую обнаженную спину. Слуга невольно сглотнул. Пусть характер у молодого господина был скверный и буйный, а в поместье его откровенно недолюбливали, внешностью боги его не обделили. Белизне и гладкости его кожи позавидовала бы любая, даже самая пригожая наложница в доме. Стоило Сыюаню закрыть глаза, как он становился похож на прекрасного небожителя, но стоило ему проснуться — и наружу вырывался суший дьявол.

Хлопнув себя по щеке, дабы прогнать наваждение, Сяо Тан поспешил к постели.

— Ох, господин мой, ну вставайте же! — зашептал слуга, отчаянно тряся его за плечо. — Госпожа с управляющим уже на пороге! Неужто опять без месячного жалованья остаться хотите?

Чтобы держать строптивного юношу в узде, премьер-министр завёл суровое правило: за малейшее неповиновение лишать Сыюаня карманных денег.

Шэнь Сыюань неохотно приоткрыл глаза. Увидев перед самым носом мельтешащую руку слуги, он раздраженно отмахнулся. Раздался звонкий хлопок. Сяо Тан обиженно отдернул покрасневшую ладонь — молодой господин, как обычно, силы не рассчитал.

В этот момент двери распахнулись, и в комнату вошла Ли Сянлань. Сяо Тан мгновенно вытянулся в струнку и, позабыв о хозяине, подобострастно засеменил навстречу хозяйке, лихорадочно соображая, какой мерзавец успел донести на Сыюаня.

— Госпожа, второй молодой господин просто немного притомился... — заюлил он, выдавив фальшивую улыбку. — Прилег в обед, да и задремал...

Оправдание вышло настолько нелепым, что Сяо Тан осекся под ледяным взглядом женщины. Сыюань не просто «прилег в обед» — он дрых без просыпу со вчерашнего вечера, но признаться в этом вслух было бы чистым безумием.

Ли Сянлань посмотрела на сонного юношу, и она презрительно усмехнулась. Какая разница, что этот ублюдок от природы одарен острым умом? С таким буйным нравом и полным нежеланием учиться он оставался ничтожеством. Окажись покойная наложница Лин-нян жива, она наверняка сошла бы с ума от ярости, глядя, как ловко её сына обвели вокруг пальца.

— Скрутить его! — резко скомандовала мачеха.

Сяо Тан опешил, не зная, за что хвататься. Прежде чем он успел опомниться, несколько дюжих слуг бесцеремонно стащили Шэнь Сыюаня с кровати и повалили на пол. Только тогда парень очнулся и бросился наперерез:

— Госпожа, помилуйте! Что происходит?

В голове слуги царил хаос. Какую такую страшную провинность совершил молодой господин, что всегда снисходительная Ли Сянлань решила прибегнуть к такой жестокости?

Шэнь Сыюань никак не мог окончательно протрезветь от сна. Последнее время его постоянно одолевала странная, непреодолимая вялость — он спал сутками напролет, списывая всё на удушливую летнюю жару. Бесцеремонное пробуждение разожгло в груди глухой гнев, но выплеснуть его он не успел: его крепко прижали к доскам пола.

Кое-как приподняв голову, Сыюань увидел мачеху и управляющего. Рядом со слугами на полу стояло несколько объемистых глиняных кувшинов.

— Матушка?.. — хрипло позвал он.

Неужели он настолько разгневал её? Быть не может. Матушка всегда баловала его больше всех, защищала от гнева отца. Она не могла причинить ему вред.

Ли Сянлань даже не взглянула на растерянного пасынка. Скользнув холодным взглядом по управляющему Хэ, она процедила сквозь зубы одно-единственное слово:

— Лейте.

Слуги намертво зафиксировали руки и ноги юноши. Несколько старых служанок во главе с управляющим подтащили кувшины ближе.

— Да как вы смеете!.. — яростно выдохнул Сыюань, пытаясь вырваться. От резкого движения колени с силой ударились о жесткие половицы, отозвавшись тупой болью.

Но силы были неравны. Чьи-то грубые пальцы вцепились в его лицо, и с резким сухим щелчком челюсть парня безвольно повисла — её попросту выбили из сустава. Сердце Сыюаня пропустило удар. Его захлестнул ледяной, первобытный ужас.

В разинутый рот хлынул обжигающий горло алкоголь. Жидкость забивала носоглотку, Сыюань захлебывался, кашлял, но слуги действовали с механической беспощадностью. Осушив один кувшин, они тут же принимались за следующий. Отчаянные попытки вырваться привели лишь к тому, что крепкое вино залило ему волосы, лицо и одежду.

Юноша до последнего не мог взять в толк: за что? Что случилось с его некогда любящей матерью? От крепкого алкоголя нестерпимо жгло кожу, а внутри него разверзся настоящий ад. Желудок сводило мучительными спазмами, глаза налились кровью. После нескольких кувшинов дешевого пойла тело его отяжелело, а разум начал стремительно погружаться в спасительную тьму.

Бессильно распластавшись на полу, он смутно видел сквозь пелену слез, как Ли Сянлань медленно опустилась перед ним на корточки. Но на этот раз ласковые руки не коснулись его головы. Мачеха смотрела на него с нескрываемым омерзением. И в этот миг он впервые заметил, какие изящные пионы вышиты на её шелковых туфлях.

— Тебе давно пора отправиться на тот свет и составить компанию своей шлюхе-матери, — негромко произнесла она.

Глядя на бесчувственное тело Сыюаня, Ли Сянлань испытывала ни с чем не сравнимое торжество — каждая морщинка на её постаревшем лице разгладилась от злобной радости. Она возненавидела этого сына от наложницы с самого его рождения. Весь в свою мать-содержанку: смазливый, притягательный, с лица воду пить. Каждый раз, когда её взгляд падал на Сыюаня, перед глазами оживало лицо покойной наложницы Лин-нян, вызывая глухое бешенство и брезгливость.

По знаку хозяйки служанки поспешно переодели Сыюаня в сухие, чистые одежды. Если бы кто-то присмотрелся, то заметил бы, что этот наряд по цвету и покрою в точности повторяет тот, что носил законный наследник, Шэнь Чжихэ.

Полуживого, одурманенного алкоголем юношу поволокли прочь из комнаты. Разум Сыюаня окончательно угасал, мир вокруг расплывался тусклыми пятнами. Он краем глаза уловил, как

преданный Сяо Тан попытался броситься на его защиту, но парня тут же повалили на землю и принялись жестоко избивать ногами. Спустя мгновение тот затих, и Сыюань уже не мог понять, жив ли его слуга.

«Почему она назвала мою маму шлюхой?.. И куда я должен отправиться?..»

В глубине души Сыюань уже понимал всю страшную правду, но отчаянно цеплялся за иллюзии. Он не хотел верить, что законная мать, согревавшая его теплом все эти годы, способна на такое чудовищное предательство.

Когда его выволокли к главным воротам Поместья премьер-министра, его «заботливая матушка» уже успела переодеться в траурные белые одежды. Без косметики, с землистым, осунувшимся лицом, она выглядела воплощением скорби и незащитности. Сыюань лежал на каменных плитах, тщетно пытаясь осознать происходящее. Почему некогда ласковый взгляд мачехи сменился ледяной ненавистью, острой, точно лезвие кинжала?

Шэнь Чжихэ тем временем трусливо наблюдал за происходящим из укрытия. Когда Ли Сянлань приказала вытащить Сыюаня за ворота, старший брат не посмел показаться на глаза толпе и затаился в густых декоративных кустах. Он дрожаще улыбнулся. Мать действительно любит его больше жизни. Он — её единственный родной сын. И теперь этот никчемный ублюдок Сыюань расплатится своей головой за его грехи.

Стоило Ли Сянлань переступить порог поместья, как она с глухим рыданием упала на колени прямо перед собравшейся толпой. Разноголосый гул мгновенно стих.

В столице имя госпожи Шэнь пользовалось безупречной репутацией. Её супруг, премьер-министр Шэнь Даосюэ, занимал один из высочайших постов в государстве, а саму Ли Сянлань почитали как образец женской добродетели и пример для подражания. Пусть за всю жизнь она подарила мужу лишь одного наследника, она лично выбирала для него наложниц и правила внутренними покоем твердой, но справедливой рукой. Более того, она без единого упрека вырастила чужого ребенка, окружив сына от наложницы такой заботой, что со стороны казалось, будто она любит его преданнее собственного сына. К тому же Ли Сянлань обладала незаурядным деловым чутьем: под её управлением многочисленные лавки и купеческие дворы в столице приносили огромный доход.

О подобной супруге любой знатный муж мог только мечтать, и в народе поговаривали, что стремительным взлетом по карьерной лестнице премьер-министр обязан именно редкой удаче с женитьбой.

Но сегодня по городу разнеслась весть: её родной сын до смерти забил человека. Толпа не сомневалась, какая невыносимая мука терзает материнское сердце. Прежде гордая, величественная госпожа теперь казалась жалкой, сломленной горем тенью.

Внезапный жест Ли Сянлань заставил великого наставника Циня на миг растеряться. Но у женщин в такие минуты был свой безжалостный счет. Госпожа Цинь, сидевшая прямо на земле и прижимавшая к груди окоченевшее тело сына, вскинула голову. Её сорванный от крика голос прозвучал хрипло и надрывно:

— И что это значит, госпожа Шэнь? Думаете, упали на колени — и закон вам не писан? Смерть за смерть! Если бы всё решалось поклонами, мой покойный сын мог бы вырезать всё ваше семейство, а я потом безропотно стояла бы на коленях перед вашими воротами до скончания веков!

Слёзы ручьями катились по её впалым щекам. В руках безутешной матери покоился мертвый Цинь Чуань, чье изуродованное побоями лицо покрывали жуткие багровые кровоподтеки. Зеваки сочувственно зашептались, и жалость к госпоже Шэнь тут же улетучилась. Закон един для всех. Неужели сыну премьер-министра позволено безнаказанно лишать людей жизни только из-за высокого положения его родителей? Или безупречное имя Ли Сянлань дает её отпрыску право проливать чужую кровь?

К великому изумлению толпы, госпожа Шэнь даже не попыталась оправдать своего сына. Вместо этого она трижды отвесила земной поклон в сторону госпожи Цинь, да с такой силой, что на её бледном лбу мгновенно расплылся страшный синяк. Потоку её слёз позавидовала бы любая безутешная мать.

— Если мой сын действительно виновен в этом злодеянии, — закричала она, сдерживая рыдания, — я, Ли Сянлань, не стану молить о пощаде! Я своими руками свяжу его и выдам правосудию!

Эти слова произвели эффект разорвавшейся бомбы. Толпа затаила дыхание, предвкушая неожиданную развязку. Неужели в этом деле крылась какая-то тайна?

— Я же говорил! — зашептал кто-то в задних рядах. — Старший молодой господин Шэнь — образованный и благородный юноша, он и мухи не обидит! Откуда в нем жестокость?

— Но кто тогда забил до смерти покойного наследника Цинь?..

Шепотки ширились, и терпение старшего сына семьи Цинь лопнуло. Прижав к груди ножны с тяжелым мечом, Цинь Вэй сделал шаг вперед.

— Госпожа Шэнь! Я безмерно уважаю вашу материнскую любовь, но не смейте лгать на глазах у всех! Десятки свидетелей видели, как Шэнь Чжихэ избивал моего брата. Неужели вы надеетесь выгородить убийцу, просто отрицая очевидное?!

В голосе молодого человека звенела ярость, а его взгляд, устремленный на безучастно лежащего у ворот Сыюаня, одетого точь-в-точь как старший брат, обещал скорую и жестокую расправу.

— Вэй-эр, отойди, — резко оборвала его госпожа Цинь. Против искушенной в интригах Ли Сянлань её сын был слишком неопытен.

Она бережно поправила растрепавшиеся волосы мертвого Цинь Чуаня и, устремив тяжелый взгляд на соперницу, спросила:

— Значит, госпожа Шэнь утверждает, что её драгоценный Шэнь Чжихэ ни при чем?

При таком количестве очевидцев заявить подобное казалось чистым безумием. Но Ли Сянлань превзошла все ожидания. Не поднимаясь с колен, она залилась еще более горькими слезами:

— Мой Чжихэ — кроткая душа, он и пальцем никого не тронет! Госпожа Цинь, умоляю, не возводите напраслину на невинного ребенка!

Госпожа Цинь едва не задохнулась от гнева. Наглость соперницы переходила все границы. Труп её сына лежал здесь же, а эта женщина смела разыгрывать комедию!

Великий наставник Цинь больше не мог сдерживаться. Шагнув вперед, он громогласно возвестил:

— Неужто премьер-министр Шэнь трусливо прячется за спиной своей бабы, позволяя ей нести этот вздор?! Все свидетели здесь, перед вашими воротами! И вы еще смеете отпираться? Отлично! Шэнь Даосюэ, Шэнь Чжихэ — вы оба ответите за это! Я немедленно отправляюсь во дворец к Его Величеству. Пусть государь рассудит, по какому праву семейство Шэнь ставит себя выше закона и покрывает убийцу!

Цинь-тайши резко развернулся, собираясь уйти. Наглость премьер-министра переполнила чашу его терпения. Если потребуется, он сотрет весь род Шэнь в порошок, чтобы отомстить за своего младшего сына!

— Наставник Цинь, ваши слова ранят меня в самое сердце! — вскричала Ли Сянлань, заламывая руки. — Я ведь с самого начала сказала: будь Чжихэ виновен, я бы первая привела его на плаху! Но вы, пользуясь своей властью, пытаетесь растоптать невинного и обречь его на смерть ради своей мести!

Собравшиеся окончательно растерялись. Одни шептались, что госпожа Шэнь держится слишком уверенно для матери виновного убийцы — возможно, парня действительно подставили. Другие качали головами, указывая на бездыханное тело Цинь Чуаня: мертвец не соврет, да и свидетелей пруд пруди.

В этот момент управляющий Хэ бесшумно проскользнул к декоративным кустам, за которыми прятался Шэнь Чжихэ, и быстро прошептал ему несколько слов на ухо.

Страх, искажавший лицо молодого барина, мгновенно сменился облегчением. Шэнь Чжихэ довольно усмехнулся, расправил плечи и уверенной походкой направился к выходу из усадьбы.

<http://bllate.org/book/19456/2028411>